

Калмыцкая сказка в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: к вопросу об источниках

The Kalmyk Fairy Tale in A. Pushkin's Novel "The Captain's Daughter": the Sources Revisited

*Б. А. Кичикова (B. Kichikova)*¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru

Аннотация. Как известно, вопрос о фольклорном источнике «сказки старой калмычки» из романа «Капитанская дочка» до сих пор остается открытым. Поиски сюжета «калмыцкой сказки» Пугачева в калмыцком, русском и в уральском казачьем фольклоре оказались тщетны. В статье приводятся и рассматриваются различные мнения по данному поводу — фольклористов Урала, исследователей и комментаторов романа «Капитанская дочка», а также писателей, фольклористов Калмыки. Очевидно, сказка об Орле и Вороне представляет собою самостоятельно и художественно завершенное произведение А. С. Пушкина в жанре философской притчи-контроверзы, включенное в состав романа «Капитанская дочка» в качестве ключевого элемента его сюжета.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «калмыцкая сказка», Орел, Ворон, роман, фольклорные источники, философская притча.

Abstract. As is known, the question about the folklore source of “the old Kalmyk woman's fairy tale” from the novel “The Captain's Daughter” is still open for discussion. The searches for the plot of the Kalmyk fairy tale told by Pugachev in the Kalmyk, Russian and Ural Cossack folklore have proved unsuccessful. The article provides and discusses various opinions on the issue expressed by folklorists of the Urals, researchers and expositors of the novel “The Captain's Daughter” as well as writers and folklorists of Kalmykia. As is evident, the fairy tale about the Eagle and the Raven is an independent and artistically complete literary composition by A. Pushkin created in the genre of a philosophical parable / controversy and included into the novel “The Captain's Daughter” as the cue element of its plot.

Keywords: A. Pushkin, Kalmyk fairy tale, Eagle, Raven, novel, folklore sources, philosophical parable.

Обнаружение подлинных фольклорных источников сказки об Орле и Вороне в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» стало существенной задачей отечественной фольклористики, главным образом региональной, с 1930-х гг. Попытки решения этой задачи явно прекращаются в 1980-х гг., что объясняется достижениями пушкиноведения и фольклористики в исследовании комплексной проблематики генерального характера. Тем не менее целесообразно и поучительно рассмотреть основные аспекты вопроса об источниках «калмыцкой сказки», чтобы отправляться от достигнутых результатов, в том числе и попутных.

Сопоставив собранные А. С. Пушкиным в 1833 г. устные показания свидетелей «пугачевщины» с полученными поэтом официальными архивными документами и выявив особенности их использования в «Истории Пугачева» (1834) и «Капитанской дочке» (1836), Н. В. Измайлов пришел к последующим справедливым выводам.

1. «Пушкин чрезвычайно тщательно и полно использовал как свои записи, так и всевозможный материал устных рассказов, опуская из них то, что казалось ему слишком частным, незначительным, или было неприемлемо для цензуры, или противоречило его взглядам и придавало событиям и лицам ложное освещение». Так, по мнению исследователя, Пушкин не использовал «анекдот», рассказанный Далем в Бёрдах, о восседавшем на церковном престоле Пугачеве, поскольку «и самый рассказ, подчеркивавший невежество и примитивность мышления Пугачева, и пренебрежительный тон Даля по отношению к „Пугачу“, не соответствовали представлениям Пушкина о вожде крестьянского восстания» [Измайлов 1975: 301, 299–300].

2. «<...> устным рассказам он придавал первостепенное значение и вполне им доверял, исправляя их другими, официальными или мемуарными материалами правительственного лагеря лишь в очень редких случаях, там, где считал, что рассказчик заведомо ошибается или знает обстоятельства меньше, чем другие источники» [Измайлов 1975: 301].

3. «<...> при наличии двух источников сведений об одном и том же предмете — устного рассказчика и правительственного документа — Пушкин всегда отдает предпочтение первому, т. е. устному рассказу» [Измайлов 1975: 301].

4. «<...> подбирая и вводя в текст <...> устные рассказы, он не старается затушевать в них суровых, жестоких сторон восстания, справедливо считая, что народные рассказы <...> говорят сами за себя и никогда не содержат по отношению к восстанию и его вождю той лживой, реакционной тенденциозности, какую проявляют <...> документы правительственного лагеря» [Измайлов 1975: 299].

Значение «мнения народного» во времена, потрясавшие основы национальной и государственной жизни, Пушкин осознал еще в период работы над «Борисом Годуновым» (1825). В «Капитанской дочке» это «мнение» о грозных событиях «пугачевщины» в значительной степени облечено в жанрово-стилистические фольклорные формы, выражающие глубинные пласты коллективного народного сознания. Народно-поэтическая основа в историческом романе Пушкина формирует характер и фактуру образа вождя восстания, вышедшего из народной среды и воплотившего чаяния народа о «добром царе» [см.: Чистов 1967: 147–174].

Проблема устных, особенно фольклорных, источников «Капитанской дочки» давно привлекает внимание исследователей. В русле данной проблематики целесообразно вновь обратиться к одному из существенных вопросов — к вопросу об источниках «калмыцкой сказки» об Орле и Вороне в сюжете пушкинской повести.

Как известно, вопрос о фольклорном источнике «калмыцкой сказки» до сих пор остается открытым. Исследователи отмечают, что в наше время сказка об орле и вороне широко бытует на Урале и Поволжье. Так, в станице Нижне-Озерной со слов старого казака краеведом Чубаровым записано уральское сказание про Орла-Сокола и Ворона-Ведуна: «Орел спрашивал Ворона, отчего тот три по сту лет живет, а он, Орел, три по десять, Ворон стал учить Орла мертвяка клевать. Сказал Сокол-Орел: «Не хочу я три по сту лет жить и дохлятиной питаться. Не бывать Ворону Орлом-Соколом, не сменять Соколу кровь горячую на дохлятину» [цит. по: Пору-

доминский 1971: 156]. В. В. Борисова разделяет мнение о том, что данное сказание — переработанная народом «калмыцкая сказка», которую Пугачев рассказывает Гринёву [Борисова 1988: 109].

Еще одна легенда об Орле и Вороне была записана в одном из южноуральских заводских поселений. Хотя ее происхождение не совсем ясно: «не из книги ли Пушкина возникла устная версия?» — высказал сомнение Н. В. Измайлов [1975: 298], соглашаясь с более ранней версией Е. М. Блиновой в ее по-прежнему содержательной работе «Устное народное творчество в произведениях Пушкина о Пугачеве и фольклор Южного Урала» [Блинова 1937: 312–320]. Таким образом, фольклорный первоисточник «калмыцкой сказки» об орле и вороне, рассказанной Пугачевым, до сих пор можно считать неустановленным. Версия о том, что сказку можно причислить к южноуральскому фольклору, остается спорной, так как среди пушкинских записей подобной «калмыцкой сказки» нет. Варианты сказки записаны гораздо позже и могут быть отражением пушкинского текста, т. е. иметь литературный источник. «Вместе с тем, справедливо, видимо, утверждение» Н. В. Измайлова о том, что «опасаться значительного книжного влияния» в начале XX в. на сказание, записанное уральским краеведом Чубаровым, — нет достаточных оснований» [Борисова 1988: 109].

Между тем, само допущение о межэтнической перекличке двух фольклорных произведений возможно: пугачевское восстание захватило обширную территорию, как широко известно, в него вливались выходцы из разных народов, что обусловило полиэтнический характер всего фольклорного материала о пугачевском восстании, в котором взаимодействовали разные по этническому признаку произведения — тексты, мотивы, образы, символика.

Пушкин, с его широкой фольклористической осведомленностью, гениальным чутьем уловил эту особенность народных преданий времени Пугачева и не случайно назвал «сказку» об Орле и Вороне калмыцкой, вложив ее в уста яицкого казака, якобы слышавшего ее в детстве от «старой калмычки».

Как широко известно, Пушкин был знаком с жизнью, бытом и творчеством калмыков. Свидетельство этому — целый ряд специ-

альных упоминаний о калмыках в его произведениях [Кичикова 2000; 2001; 2009; 2012; 2015 а; 2015 б; 2015 в; 2015 г].

Феномен Пушкина, помимо прочего, обладает одним поразительным свойством — пушкинскому слову верят безоговорочно. Верят, что он посетил Калмыкию, что действительно встретил тело Грибоедова, препровожаемое «на арбе» в Тифлис [см.: Мясоедова 1997: 207–217], как долго и безусловно верили, что «сказка», усвоенная Пугачевым от «старой калмычки», действительно создана калмыцким устным народным творчеством. Приведем ряд утверждений, весьма характерных в этом смысле.

Так, калмыцкий поэт и прозаик Б. О. Джимбинов в своей книге «Путешествие в страну Бумбу» утверждает, что «во время поездки в Оренбург и на Урал <...> Александр Сергеевич собирал материал о Пугачевском восстании, в котором, как известно, участвовали и калмыки». И далее: «Здесь он записал великолепную калмыцкую сказку..., которую вложил в уста Пугачева. <...> Эта сказка не была заимствована из каких-нибудь письменных источников, а записана самим поэтом...» [Джимбинов 1978: 22–23].

Большую степень вероятности того, что Пушкин мог узнать о калмыцкой сказке не по трансформации в казачьем фольклоре, а непосредственно из первоисточника, предполагал и знаток национального фольклора, народный поэт Калмыкии Х. Б. Сян-Белгин, отметив, что произведения Пушкина перелгались устно на калмыцкий язык еще в старое время, хотя народ не знал, кто их автор: «У нас издавна имеют хождение сказки „Золотая рыбка“ („Сказка о рыбаке и рыбке“) и „Три сестры“ („Сказка о царе Салтане“). Эти сказки считаются „чисто калмыцкими“ и бытуют в народе как прозаические произведения, хотя по сюжету ничем не отличаются от сказок великого русского поэта». «Когда мне пришлось переводить сказки А. С. Пушкина на калмыцкий язык, <...> я задумался над тем, как глубоко проник Пушкин в глухую калмыцкую степь. Очевидно, грамотный калмык читал Пушкина, а любознательные и благодарные слушатели присоединили эти сказки к алмазным россыпям своего народного фольклора. Это первое обоснованное предположение, но есть и другое: не интересовался ли Пушкин устным

народным творчеством калмыцкого народа и нет ли в его сказках калмыцкого источника? Право так думать дает калмыцкая сказка «Об орле и вороне», не случайно вложенная в уста Емельяна Пугачева. Бесспорно, великий поэт интересовался калмыцким устным народным творчеством и записывал его» [Сян-Белгин 1970: 143].

Пытаясь в свою очередь обосновать степное происхождение и характерный национальный колорит «калмыцкой сказки» в «Капитанской дочке», поэт и ученый С. К. Каляев выдвигает в качестве аргумента наличие в калмыцком фольклоре нескольких эквивалентов данной сказки, а также присущую им общую структурную особенность: параллелизм смысловых рядов — явного и скрытого, а также ассоциативного. «Нет никакого сомнения в том, что это подлинно калмыцкая сказка, а не этнографическая стилизация. В ней удивительно верно и колоритно переданы психология и нравственные представления калмыцкого народа. Наличие у калмыков нескольких вариантов сказки об орле и вороне (соколе и вороне, беркуте и стервятнике) отдельные исследователи объясняют обратным воздействием на калмыцкий фольклор пушкинской повести. Но <...> Пушкин никогда не таил источника заимствования. Таковы цыганская песня („Цыганы“), татарская — в „Бахчисарайском фонтане“, черкесская — в „Кавказском пленнике“. <...> решающим здесь является то, что в калмыцком фольклоре существуют *вполне самостоятельные* пословицы аналогичного содержания. Например: „Чем быть десять лет атыном (верблюдом-кастратом), лучше один год прожить бура (полноценный верблюд-самец)“. На материале специфического быта прирожденных скотоводов здесь выражен тот же, что и в калмыцкой сказке <...>, апофеоз полнокровной, свободной жизни в противовес зависимому подневольному существованию» [цит. по: Суржок 1975: 107–108].

Фольклорист Н. Ц. Биткеев, исследуя проблему источника «калмыцкой сказки» из пушкинского романа, писал: «В 30-е гг. калмыцкие писатели активно переводили на родной язык многие произведения А. С. Пушкина», называя имена К. Эрендженова, Ц. Леджинова, Г. Даваева, Х. Сян-Белгина, Б. Дорджиева и др. Автор отмечает, что переводческая работа «явилась средством обо-

гашения национальных художественных форм». В газетной статье Н. Ц. Биткеева выдвинуто смелое предположение: «Возможно, рукопись текста оригинала сказки находится в архиве А. С. Пушкина. Известно, что при встрече с Владимиром Далем Пушкин оставил калмыцкий материал себе, а татарский подарил ему. <...> Это было время, когда Пушкин собирал полевые материалы по местам пугачевского восстания. Разумеется, у него уже тогда созрела мысль о создании цельного произведения о данном историческом событии, где решил использовать сюжет сказки «Об Орле и Вороне». Сказка «Об Орле и Вороне» переводилась на калмыцкий язык несколько раз. <...> В калмыцком сказочном эпосе данный сюжет отсутствует. Нет ее и в Международном сказочном сюжете Аарне-Андревеа. Оренбургские калмыки, у которых записал Пушкин данную сказку, не сумели ее сохранить, тогда не собирали у информаторов фольклор, как это стало традицией со 2-й половины XIX в. Очевидно, сказка эта имеет древние корни, ибо ее архетип найден в наше десятилетие на Севере у эвенов...» [Биткеев 1999; цитируется дословно]. Далее Н. Ц. Биткеев рекомендует статью А. А. Бурыкина, опубликованную в газете по соседству. В этой статье изложены некоторые результаты работы по собиранию образцов фольклора эвенов в 1982 г., в ходе которой оказался сохраненным «архаический сюжет этнологического характера», объясняющий, почему некоторые группы птиц <...> пребывают в постоянной ссоре друг с другом». Автор предполагает, что «этот сюжет обнаружился у одного из тунгусо-маньчжурских народов — эвенов и сохранялся до первой трети XIX в. у одного из народов монгольской группы — калмыков». По мнению А. А. Бурыкина, данный сюжет не мог быть заимствован из пушкинского текста, так как исполнитель не владел русским языком. Исследователь ставит проблему монголо-тунгусских фольклорных взаимосвязей одновременно с проблемой «выявления в фольклорных материалах заимствованных текстов с утраченными источниками» [Бурыкин 1999]. Надеемся, что данные проблемы найдут глубокое научное разрешение.

Основываясь на материале ряда сборников калмыцкого сказочного фольклора, В. В. Борисова приходит к выводу: «Вряд

ли можно согласиться с голословно наивным утверждением, что «сказка „Орел и Ворон“ — это калмыцкое народное произведение, вложенное А. С. Пушкиным в уста Е. Пугачева» [цитируя: Джимгиров 1963: 20], на том основании, что «в калмыцких сказках о животных представители диких птиц намного превосходят домашних» [цит.: Джимгиров 1963: 20], по сравнению с русскими, в которых «дикая птица исключается, фигурирует только домашняя». Исследовательница соглашается с фольклористом из Калмыкии, отмечавшим тотемизм и мифологическое содержание калмыцких сказок о животных и птицах [Джимгиров 1963: 20]. Подобный материал калмыцкого фольклора «позволяет в известной степени определить те типологические с русским фольклором основания, по которым Пушкин назвал сказку об орле и вороне калмыцкой» [Борисова 1988: 110].

Что касается русских источников «калмыцкой сказки», то известна найденная в бумагах Пушкина запись сказки об орле как царе птиц [Томашевский 1961: 15], но прямые варианты «калмыцкой сказки» ни при жизни писателя, ни позже в пушкинских местах записаны не были. Таким образом, исключается возможность точного указания фольклорного источника «калмыцкой сказки» и в русском устном народном творчестве. В связи с этим представляется правомерным предположение комментаторов романа о том, что «она сочинена самим Пушкиным» [Гиллельсон, Мушина 1977: 150]. Ряд примеров убеждает в том, что фольклорные стилизации Пушкин создавал по законам народного творчества — скажем, когда передал П. В. Киреевскому записи народных песен вместе с сочиненными им самим. Отличить их невозможно. «Калмыцкая сказка» в этом аспекте может быть воспринята как творческая трансформация известных Пушкину сказочных сюжетов и мотивов.

Мы полагаем, что «калмыцкая сказка», рассказанная Пугачевым Петру Гриневу «с каким-то диким вдохновением», не связана с калмыцким фольклором вообще, ни с фольклором оренбургских и уральских калмыков, в частности. Она является не просто гениальной стилизацией автора «Капитанской дочки», но представляет

собою включенное в состав романа самостоятельное и художественно завершенное произведение в жанре философской притчи-контроверзы. При ее создании поэт исходил из глубоко укорененной в тысячелетии традиции жанра, рассмотрение которой составит научный сюжет отдельной работы.

Литература

Биткеев Н. Ц. Пушкина вечное слово звучит, потрясая сердца // Хальмг үнн. 1999. 5 июня.

Блинова Е. М. Устное народное творчество в произведениях Пушкина о Пугачеве и фольклор Южного Урала // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Челябинск, 1937. С. 312–320.

Борисова В. В. «Калмыцкая сказка» в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1988. Вып. 15. С. 108–118.

Бурыкин А. А. Калмыцкая сказка в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина — исчезнувшее произведение калмыцкого фольклора в свете новых полевых материалов // Хальмг үнн. 1999. 5 июня.

Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1977. 192 с.

Джимбинов Б. О. Путешествие в страну Бумбу. М.: Советская Россия, 1978. 174 с.

Джимгиров М. Э. Народные калмыцкие сказки. М.: Элиста, 1963. 175 с.

Измайлов Н. В. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 270–302.

Кичикова Б. А. Калмыцкая тема в творчестве А. С. Пушкина (из опыта историко-литературного комментария) // Пушкинский сборник: К 200-летию А. С. Пушкина. Калм. гос. университет, Национ. библ-ка им. А. М. Амур-Санана. Элиста, 2000. С. 15–22.

Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к комплексу текстов А.С. Пушкина начала 1820-х гг.) // Теегин герл. 2001. № 8. С. 41–80.

Кичиков Б. А. Калмыки в мире Пушкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 42–50.

Кичикова Б. А. «С коня калмыцкого свалюсь...» (историко-литературный комментарий к строке из романа «Евгений Онегин») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 61–72.

Кичикова Б. А. «Ты не лепечешь по-французски...» (Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 111–115.

Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2015а. № 2. С. 169–173.

Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: аспекты жанрового своеобразия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2015б. № 3. С. 166–173.

Кичикова Б. А. «Путевые записки» А. С. Пушкина: эпизод в калмыцкой кибитке (из материалов к комментарию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015 в. № 4. С. 196–204.

Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию // Актуальные проблемы современного монголоведения. Сб. научных трудов. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 196–204.

Мясоедова Н. Е. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина // Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине. СПб.: Алгол, 1998. С. 177–217.

Порудоминский В. В. И. Даль. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с. (Жизнь замечательных людей).

Суржок А. И. Пушкин и калмыки. Элиста: Калм. книжн. изд-во, 1975. 119 с.

Сян-Белгин Х. Б. Белый берег. Рассказы. Очерки. Сказки. Изд. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 187 с.

Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии. 1824–1837. М.; Л.: АН СССР, 1961. 576 с.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. Л.: Наука, 1967. 341 с.